

Всероссийское совещание работников образования **Новый глоток надежды**

Форум российских просвещенцев, состоявшийся 14–15 января этого года в столичном Государственном Кремлёвском дворце, стал фактом истории. В очередной раз он пробудил энергию, вселил надежду. И в очередной раз... посеял сомнения...

Добрая треть участников совещания ещё не забыла Всесоюзный съезд работников образования двенадцатилетней давности, все заседания которого были пронизаны эйфорией, ощущением свободы, предчувствием светлой завтрашней судьбы школы и учительства. Впервые за долгие-долгие годы пошатнулась система тотального управленческого диктата, и была провозглашена государственно-общественная форма управления отраслью. Съезд учителей предполагалось сделать главным общественным органом управления и созывать его каждые 5 лет. В промежутках между съездами работает Всесоюзный совет по народному образованию, обладающий правом депутатского запроса, выступающий с законодательными и распорядительными инициативами, минуя Госкомитет по народному образованию. Эти немислимо демократические принципы управления отраслью прозвучали из уст тогдашнего председателя Госкомобра Г. Ягодина. Тогда же был избран Всесоюзный совет по народному образованию, первый общественный орган управления. В него вошли более ста известных педагогов, управленцев, учёных. Возглавил его директор 825-й столичной школы В.А. Караковский. И хотя делегаты съезда с сожалением говорили об отсутствии альтернативных концепций — обсуждался только документ, представленный ВНИКом “Школа”, — о противоречивости и декларативности этой концепции, её несоотнесённости с реальной жизнью, — тем не менее разъехались все с надеждой. Самоценность провозглашённой свободы (и это понятно!) приглушила здравые мысли о трудностях на пути её реализации и пользования ею...

Но жизнь, как известно, идёт по своим законам, зачастую не считаясь с самыми благими нашими намерениями. Прошёл всего год, и государственно-общественная система управления образованием захлебнулась в бюрократических способах её претворения в жизнь (см. статью Ю. Крупнова “Новое качество... в сжатые сроки” НО № 10, 1990). ВНИКовская концепция, разработанная на московском асфальте, была опрокинута “тихим землетрясением” — бюрократизмом, хронической бедностью большинства российских школ, особенно сельских, а если где и проросла, то была накрепко схвачена ошейником вечного финансового дефицита.

А вскорости произошло то, о чём неблагородно выброшенный за борт классик давным-давно сказал совершенно справедливо: “школа вне жизни, вне политики — ложь и лицемерие”. С развалом СССР прекратил существование Госкомитет по народному образованию, а созданный как управленческая альтернатива ему общественный Совет благополучно почил в бозе. “Повышение социально-экономических ценностей образования”, что было записано в решениях съезда и на что так надеялись делегаты и учительство, осталось пустым звуком, ибо разрушились сами социально-экономические основы страны.

Из всех съездовских надежд реальной оказалась лишь одна — творческая свобода: делай что хочешь!

И школы усиленно начали эксплуатировать эту возможность: выбирали чуть ли не каждые полгода новых директоров (неважно — педагог это был или торговец овощной базой), предали анафеме детские организации, а с ними и проблемы воспитания. Прежние идеологемы заменили новыми — деполитизация, департизация, деидеологизация. Педагогические коллективы захлестнула волна свободы, граничащей с хаосом, который школе противопоказан по определению, как говорят математики. Мы тогда ещё не знали, что свобода, пришедшая на смену тоталитаризму, крайне агрессивна. И только благодаря имманентно присущему школе здоровому консерватизму и нравственности учительства школе удалось избежать участи наших колхозов, совхозов и многих учреждений культу-

ры — т.е. разграбления, запустения, а то и полного уничтожения. Да ещё педагогическая культура основной массы учительства, профессиональная добросовестность (и совесть!) в условиях этого хаоса помогли многим школам совершить некий прорыв, получить существенное “приращение” в качестве образования. При этом разрыв между теми, кто засиделся на старте реформ, и теми, кто ушёл далеко вперёд, становился всё ощутимей...

Но вот прошло несколько лет, и из уст весьма сведущего в наших делах, уважаемого человека прозвучала тревожная мысль-предостережение: “Инновационное движение разваливается на огромное число не согласующихся друг с другом, взаимопогашающих и отрицающих друг друга образовательных инициатив... ничем не сдерживаемая вариативность приводит к разрушению образовательного пространства”. А стало быть, вместе с ним — и школы. (См. статью Ю. Громыко в этом номере журнала.) Другой сведущий человек с математической скрупулёзностью просчитал, что 90% инноваций привели к ещё большей перегрузке школьников (новые курсы, факультативы и т.д.), учителей, посеяли в некоторых школах терпимость к педагогическому прожектёрству в угоду амбициям, увеличив конфликтность в коллективах. А в итоге — навредили школе.

За 12 лет написаны десятки самых что ни на есть прогрессивных концепций, разработаны сотни (а может, и тысячи) авторских программ (разного качества), родились десятки моделей школ — свободных, раскованных... А ученикам в массе своей по-прежнему худо: половина из них не усваивают программу, из стен школы выходят, как и прежде, всего 11% здоровых молодых людей, учителя стонут от чудовищных перегрузок и постоянных стрессов, от вечного страха не успеть проверить, рассказать, научить. Как и прежде, они испытывают огромную потребность в новых способах организации образовательного процесса, в научно обоснованных технологиях, в выверенных рекомендациях учёных. К этим профессиональным трудностям прибавились и немислимые прежде экономические: государство перестало платить учителям зарплату, опустило их на нищенский уровень, заставило выйти на забастовки. И только благодаря безграничной профессиональной дисциплинированности и гражданской ответственности учительского корпуса России школа живёт, развивается и надеется на лучшую долю...

Новым глотком надежды стало Всероссийское совещание работников образования. Надежду вселяло многое: наконец-то появилась Национальная доктрина образования в России, которая определила общую его стратегию и государственную политику. В работе совещания участвовали первые лица государства — исполняющий обязанности президента РФ, председатель правительства В.В. Путин и заместитель председателя правительства РФ В.И. Матвиенко. В своей речи на форуме В.В. Путин сказал о том, что возрождение России “немыслимо без нового взгляда на образование, без нового отношения к учителю”. Отрадно, что наше отраслевое ведомство вновь обратилось к коллективному разуму учительства страны. Но настораживало в работе этого форума повторение ошибок недавнего прошлого. Как и на предыдущем съезде, Национальная доктрина была представлена в единственном (безальтернативном) варианте, к тому же ещё с анонимным авторством. Неплохо бы назвать хотя бы группы разработчиков документа, определяющего судьбы миллионов наших граждан — 20 млн школьников и по крайней мере — 40 млн их родителей. Народ, как известно, должен знать своих героев. Как и прежде, этот важнейший государственный (не ведомственный!) документ не был подвергнут широкому обсуждению и всесторонней общественной экспертизе. Наверное, именно поэтому участники совещания отнеслись к доктрине, как к очередной (которой уж?!) клановой концепции и, скороговоркой одоблив её, переходили к обсуждению того, что кровоточит, что надрывает учительское, директорское, управленческое сердце, — к проблемам реальной школьной, детсадовской, профучилищной, вузовской жизни. В этом убеждают выступления на пленарных заседаниях и на секциях, которые мы публикуем (с очень небольшими сокращениями).

У многих участников форума вызывало недоумение некое “жанровое лукавство” этого всероссийского мероприятия: больше пяти тысяч участников — педагогический цвет

России, куча гостей, забитая до предела ложа прессы, главный зал страны — всё говорило о том, что это как бы очередной съезд. Ан, нет: совещание. А что может решить совещание? Его задача — совещаться... ну, отметить своевременность доктрины, её отдельные недостатки. Но работники образования — люди не гордые: войдя на трибуну с надеждой, что их наконец услышат, они горячо, искренне говорили о самом существенном, самом волнующем. В конце концов дело не в названии мероприятия. Пусть даже было оно задумано как предвыборное шоу нового кандидата в президенты, — учителя и с этим согласились и поддержали кандидатуру В.В. Путина на пост Президента в своих выступлениях.

Главное — в другом. В том, чтобы не были в очередной раз обмануты надежды работников отрасли: что 20% прибавки к мизерной зарплате — “только первый шаг правительства”, как сказал с трибуны совещания В.В. Путин. (Хотя все мы прекрасно понимаем, что не может быть процветающего образования на фоне трудного общественного бытия страны и всего народа. Но и в этом отношении затеплилась робкая коллективная надежда.) Чтобы Национальную доктрину образования в России не постигла судьба ВНИКовской концепции и она не стала мёртворождённым “дитятей”. Чтобы избранный на совещании Федеральный координационный совет по общему образованию не постигла судьба его союзного предшественника и общественный характер управления отраслью пусть медленно, но верно входил бы с его помощью в нашу жизнь.

И ещё одна надежда звучала во многих выступлениях: хоть когда-нибудь всерьёз государство и наше родное министерство обратят свой могучий взор на “объект”, перед которым они в неоплатном долгу — на сельские школы российской глубинки, которые составляют 60% от общего числа школ?

...Если и на этот раз надеждам огромной армии просвещенцев страны не суждено будет сбыться, останется лишь развести безнадежно руками и вспомнить великого русского поэта Н.А. Некрасова:

В столицах — шум, гремят витии,
Кипит словесная война!
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина...

Этот выпуск журнала мы посвящаем Всероссийскому совещанию работников образования и обсуждению судеб школы. Оно, это обсуждение, началось задолго до нашего века и до 14–15 января, проходило за стенами Кремлёвского дворца, продолжается сейчас и будет продолжаться ещё не один год, а может быть, и век, ибо тема эта вечна, как сама жизнь.